

Я ВСТРЕТИЛСЯ с Валентином Саввичем Пикулем незадолго до его кончины. Несмотря на два инфаркта, он не поменял своего рабочего режима - по 14-15 часов в сутки, без отпусков и выходных.

Выглядел он неплохо, вот только немного похудел. И я поспешил сообщить ему о своем впечатлении.

- Да что там, - отмахнулся В.С. и, отодвинув шторм, за которой рядом с письменным столом, как в корабельной каюте, стояла железная кровать, а на стене в изголовье была прикреплена бескозырка, гюйс, указал на фотографию brave моряка с боевыми наградами на матросской фланелевой форменке. Я узнал этот снимок, сделанный в 1945 году на Северном флоте, где после Соловецкой школы юнг ВМФ четырнадцатилетний Пикуль начал службу на эскадренном миноносце.

- Вот тогда я действительно хорошо выглядел, - сказал Валентин Саввич.

Мы говорили долго - о литературе, политике, истории.

- Машина работает? - время от времени спрашивал меня Пикуль, показывая на диктофон, стоявший на столе.

Здесь же, на рабочем столе писателя, я увидел небольшую медную фигурку верблюда. Не удержался и спросил: почему именно верблюд? Чей-то подарок? Валентин Саввич улыбнулся:

- Я писателей условно делю на арабских скакунов и верблюдов. Первые домчатся до цели и сразу дышат, а иногда и не доходят. А верблюд - над ним все смеются, издеваются, а он тянет и тянет, и к цели всегда доходит. Для меня верблюд - символ каторжного труда, упорства. У меня таких верблюдов целая коллекция.

В небольшой комнате на отдельной полке стояли первые издания всех романов Пикуля. За эти годы им написано более шестисот листов прозы - собрание сочинений с трудом уместилось бы в двадцатитомник.

- А вы знаете, что мною движет? Честолюбие. Я очень честолюбив. И не скрываю этого. Но не тщеславен. Тщеславные сидят в президиумах, на трибунах торчат. Им это приятно. А я честолюбив. По сути дела, это заставляет работать. Это очень хорошее качество, я считаю, вообще для человека и особенно для офицера - он должен, обязан делать карьеру. Ничего стыдного в этом нет. Вся русская армия, весь русский флот держались на честолюбии, чести. Коль уж надел эполеты, так давай сражайся.

- Валентин Саввич, а как вы собирали материал для работы и где? Ведь только сейчас открываются архивы и спецхраны - бери и работай. А раньше...

- Никакими советскими архивами я никогда не пользовался, но всю литературу собрал, все у меня дома. Я не начинаю писать, пока все не соберу, хотя это дается с большим трудом. Вот у меня есть две книги о расстреле царской семьи двух комиссаров Временного правительства - Панкратова "С царем в Тобольске" и вторая - Быкова. В них есть вся правда.

Или взять Распутина. Для книги о Распутине в основном использовал стенограммы допросов царских министров. Ну и конечно

Пуришкевич у меня был, воспоминания многих других людей, связанных с царской фамилией. Это все добыто раньше, зачастую случайно. Я люблю систематизировать, веду картотеку и каталоги, как в библиотеке. Никто меня этому не учил - сам дошел как-то. Мне порой историки говорят: а за что тебя били? Ты же нам ничего нового не открыл, ты сказал то, что нам уже известно из литературы. Но дело-то все в том, что многие книги были уничтожены. Надо было найти, изучить и написать. Вот так. А никто собирать не хочет, по архивам сидеть тоже не хотят, а ругать мастеров очень много. Помогать - не докличешься... Хорошо еще, что я эту квартиру успел получить в 1979 году, за месяц до выхода в журнале "Наш современник" романа "У

Когда вышла книга "Честь имею", приехали ко мне сербы и говорят: "Откуда вы брали материал о нас, о Сербии?" Я рассказал, что все это из русской периодики, показал им некоторые фотографии. Они даже не знали, что такие имеются. Дореволюционные журналы и газеты - это настоящий клад. Да и книгоиздательское дело хорошо было налажено. Когда я работал над "Генералом Моро", мне из Парижа прислали книгу Эрнеста Додэ (их три брата было, если я не ошибаюсь, и все писатели), изданную в Париже в 1909 году. Так, представьте себе, в том же году эта книга была переведена и опубликована в России. Вот так работали до революции! Чтоб вы знали, Россия до революции занимала в Европе второе место по книгопечатанию после Германии и первое ме-

жет, журналов. Много интересных публикаций. А вы нынешние газеты читаете?

- Иногда читаю. На многое просто не хватает времени. Приходится себя ограничивать. Читаю старую периодику. Это, как я говорил, один из основных источников для работы. Вот, к примеру, много есть интересного в альманахе "Море", издававшемся в свое время в России, в "Морском сборнике". Кстати, прекрасный был журнал, не в пример нынешнему. Сейчас очень хорош военно-исторический журнал.

- Как вы относитесь к тому, что происходит в стране?

- Я всего не знаю, конечно. По телевизору смотрю только программу "Время". Думается, не надо было начинать с рубки виноградной лозы. Это не так просто, как кажется: нажал кнопку на

никогда не написать. Так, как он написал, никто уже об этом не напишет. А политику я люблю, и, вообще, даю в романе такой глобально-стратегический обзор событий! Сталинград - это только эпицентр, а я даю картину всего, что творилось в это время в мире - в Африке, в Риме, Сингапуре, показываю, как отражались сталинградские события на мировой политике. А Паулюс - яркая историческая фигура. Единственное, что мне не удалось до конца выяснить, - это обстоятельство его трагической кончины...

- А о вашем отце - полковом комиссаре, участвовавшем в Сталинградской битве и погибшем там, не удалось узнать что-либо?

- Я знал, что он вместе с морскими пехотинцами держал оборону в Доме пионеров. По имевшимся све-

поверьте, меня это даже не огорчает. И я не пытаюсь отвечать на хулу. Был такой святой Нил Синайский, живший в XI веке. Я не помню точно, но попытаюсь процитировать его слова: "Наложив узду на челюсти своя, этим ты причинишь чувствительнейшую боль всем поносителям и хулителям своим".

- Валентин Саввич, за сорок лет литературной работы вы написали более 20 исторических романов и не одну сотню миниатюр. В чем вы видите связь истории с современностью?

- Исторический роман - это роман во многом и современный. Я думаю, что автор, воссоздавая прошлое,вольно или невольно соотносит его с настоящим. Возникающие сплошь и рядом аналогии между историей и современностью закономерны. Я бла-

социации - уже дело читателей.

Сегодня, когда в стране повеяло духом свободы, нельзя забывать нашу историю, ее уроки. А знание прошлого Отечества делает людей богаче духом, тверже характером, зорче разумом...

- Есть ли у вас заветная тема, над которой хотелось бы поработать?

- Венский конгресс, пожалуй. Хотя, я понимаю, - это сложно. Сложная тема, как, например, и в "Битве кельнских канцлеров", "Пером и шпагой". Читатель не кидается на эти книги. Почему? Некоторые читатели говорили мне, что только со второго прочтения начинают понимать. Так и Венский конгресс, пожалуй. Я примериваюсь к нему уже давно. Наши представления о Венском конгрессе сложились по австрийскому фильму времен Гитлера "Конгресс танцует". Я помню, смотрел его, когда был молодым: много музыки, женщины красивые танцуют, а где-то там за кулисами Талейран проворачивает свои дела.

Меня интересует, раз говорили о Талейране, жена его племянника - герцогиня Димо. Она же в этих краях родилась, в нескольких километрах от Риги. Курляндская принцесса. По сути дела, автор мемуаров Талейрана - она, эта женщина. Вообще, сейчас меня очень интересуют женщины в литературе, я не так давно написал кое-что. А сейчас у меня выходит "Бабская книга". Есть в ней главы об акушерстве, гинекологии. Княгиня Смарагда Голицина, урожденная Кантемир, - основоположница научной гинекологии в России. Этой темой заканчивается книга, а туда я поместил "Три возраста Окини-сан", миниатюры, посвященные женщинам...

- А каково ваше отношение к истории и историкам?

- Это вопрос не простой, поэтому о советских лучше не будем говорить. Сейчас выходят труды многих русских философов, историков, мемуары многих известных в прежней России людей. Это отрадно. Важно и нужно. Теперь, что касается русских историков. Я, например, против того, чтобы Соловьев издавали миллионными тиражами. Помню, письма были в газеты и журналы: мол, как это я, домашняя хозяйка, не могу подписаться на Соловьева? У меня сын растет... Она думает, что придет из магазина, возьмет этого Соловьева, начнет читать... Мне, историку, и то трудно разобраться. Его книги - сплошь из документов, он очень труден для чтения, понимания, требуется масса подсобной литературы. И такие "читатели" через день другой побегут сдавать Соловьева букинистам или просто поставят на полку. Почему бы не издать массовым тиражом Ключевского? Его книги более доступны, интересно, легко читаются. А Соловьев - для историков-профессионалов.

У Валентина Саввича было много планов и задумок - завершить роман о Сталинградской битве, взяться за давно вызревший в его душе роман о Венском конгрессе... Но сердце, измученное рабочей бессонницей, сердце, вмещающее в себя боль и трагедию многих людей России, ставших героями его книг, своей боли не вынесло...

В. КОПДРИЯНЕНКО.
Капитан третьего ранга.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Валентин Пикуль остается сегодня одним из самых популярных писателей. Можно по-разному относиться к его творчеству, можно соглашаться с теми, кто резко критикует его произведения, но тиражи книг Валентина Пикуля все растут и мгновенно исчезают с прилавков магазинов. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ С ВАЛЕНТИНОМ ПИКУЛЕМ

последней черты".

В Ленинграде, когда я начал писать, жил на чердаке, да еще на уровне шестого этажа. Чтобы забраться в свою квартиру, надо было еще и в окно лезть. А квартиру мне не давали. Дали, вернее, одну комнатушку - и все. А жена покойница говорит мне: "Не унижайся, давай я обменяю, поживем в Риге, там поработаем". Ну, а потом пошел год за годом. Как-то я попытался обратиться в Союз писателей на счет жилья. Там сразу поставили вопрос о моем исключении из СП СССР. Спасибо Виктору Конечному - вступился за меня.

После этого больше никогда и ни по какому вопросу в Союз писателей не обращался. Я ведь и пенсии не получаю. Чиновники с писательскими билетами и рады, что Пикуля обманули. Да я и не буду ее получать. Хочу оставаться молодым, работать за столом. До 1917 года писатели никаких пенсий не получали. Сидели и вкалывали. И у меня не будет пенсии никогда. Главное для меня - работа.

- Валентин Саввич, а как формировалась ваша библиотека?

- Книжки начал собирать смолodu. И конечно, как последний дурак, приобретал романы. А они не нужны пишущему человеку. Я убедился в этом. У меня есть примеры, люди дуреют от чтения романов. Вот Юрий Бондарев помешан на Льве Толстом. Писать стал хуже, пытается подражать. Понимаете, не надо никому подражать, надо, чтобы из души перло, а не из башки.

- Валентин Саввич, а вы используете в своей работе старую периодику?

- Вот этим и кормлюсь.

сто в мире, побивая Америку (1), - по частному предпринимательству. Нижегородская ярмарка - яркий пример успешного экономического развития России. А у нас семьдесят лет говорили о дореволюционной России - отсталая, сермяжная, лапотная... Черта с два!

Ведь русское дворянство - чем оно было сильно - тем, что оно постоянно имело приток свежей крови. Вот, солдат выслужился в унтеры, потом, глядишь, - в офицеры, пошел дальше и закончил службу графом. К примеру, граф Евдокимов или граф Никитин, который был канониром в 1812 году и обладал удивительнейшей способностью прицеливаться. Его Александр I всегда держал при себе. Увидит на поле боя французского генерала и кричит:

- Никитин, вон генерал! - А тот как хлопнет из пушки ядром - и нет генерала у Наполеона. Так и стал графом простой солдат.

Однажды в Ясной Поляне молодой Горький прогуливался со Львом Толстым. И там какая-то женщина пошла клумбу. Толстой, указав на нее, сказал: "Вот за счет кого выжило русское дворянство. За счет таких женщин". Потому что шло постоянное смешение крови, обновление, приток.

А что такое русское купечество! Это, по сути дела, дворянство в торговом капитале. Какие люди были, какие головы! Среди них и меценаты, знатоки искусства. Мы же знаем их только по пьесам Островского, а это не вся картина...

- Валентин Саввич, сейчас страна переживает какой-то информационный взрыв - появились сотни новых га-

столы - завтра не пьем. Начали не так. Если бы вдруг взяли и уничтожили равноправие женщин в нашей стране! Вот с чего надо было начинать. Потому что так называемое равноправие запрягает женщину в оглобли, делает из нее рабочую лошадку. А женщина должна стоять на пьедестале. Истинное равноправие - когда женщина стоит выше мужчины...

- Валентин Саввич, а кто ваши любимые писатели?

- Это очень сложный вопрос. Очень сложный. Хотя, конечно, есть любимые писатели - Салтыков-Щедрин из классики, Малышкин, безусловно, а еще молодой Всеволод Иванов... А я ведь начинал-то со стихов. Да и сейчас иногда приходится. Когда пишу прозу, мне уже не хватает имеющихся у меня сборников романов, стихов. И тогда я сам выдумываю цыганский, городской романс, матросскую песню. Писать стихи - это ступенька к прозе. Поэзия учит отбору слов, расширяет словарный запас. Поэтому для настоящего прозаика вовсе недурственно пройти через поэтическую школу.

- Валентин Саввич, меня, как и многих читателей, интересует, что нас ждет впереди - что готовит нам писатель Пикуль?

- Сейчас мне нужно с Паулюсом развязаться. Вот, видите, лежит на полке первый том нового романа о Сталинграде. Я не стал описывать детально ход сражений, битвы, ничего подобного в моем романе нет. Если кто-то ожидает именно такого развития событий, будет разочарован. Там только большая стратегия и большая политика - и все. Зачем я в окопы ползу? Ведь лучше Виктора Некрасова мне

денням, там и погиб. Помогли узнать подробности пионеры-следопыты. Оказалось, что отец был тяжело ранен в голову, и его хотели переправить через Волгу. Но переправа была крошечным аном, и это не удалось. Похоронили его вместе с другими нашими воинами на левом берегу. Собственно говоря, гибель отца в боях за Сталинград и послужила толчком к осмыслению событий этого времени. С чего и началась моя работа над романом. Он, видимо, будет опубликован в "Нашем современнике". Готова только первая книга, в ней показаны события до 23 августа. Все остальное - впереди. Я не уверен в успехе. И ругать будут, и в редакциях разочаруются. Я так думаю. Но я люблю заканчивать...

- Валентин Саввич, а вас не "преследуют" герои вами написанных книг?

- У меня голова счастливо устроена. Когда над чем-то работаю - помню имена, даты, все могу назвать абсолютно точно. Как только закончил работу, голова сразу освобождается для другой информации. А то, о чем написал, забываю. Мне уже это неинтересно. Поэтому я никогда не перечитываю свои романы. Книга мне дорога до тех пор, пока в печати не появилась.

- Прощу заранее извинить, но не могу не спросить. О вас не так-то часто пишут в наших газетах и журналах, а если и появляются где-то публикации, то зачастую негативного свойства. Как вы относитесь к подобного рода критике?

- Началось это гонение давно, после публикации моего романа "Из тупика". Да и в последнее время не очень-то легко мне приходится. Но,

годарен писателю Сергею Смирнову, который открыл нам героев Брестской крепости. После этого я нашел себя как литератор, начав писать роман "Баязет". По сути дела, очень схожие ситуации: защита Баязета в русско-турецкой войне и защита Брестской крепости в 1941 году.

Началось у нас в стране освоение целинных земель, и я откликнулся на это событие романом "На задворках Великой империи". Роман "Слово и дело" косвенно связан с разоблачением культа личности Сталина. Почему? В нем я рассказал о той жестокости, которая свойственна деспотизму, культу личности.

"Три возраста Окини-сан" и "Крейсера" вышли к трагической для нашей страны годовщине Цусимского сражения. Я сознательно решил откликнуться на эти события. Мне хотелось предвосхитить самурайские волю по поводу юбилейных для них торжеств, рассказав о том, что была и первая битва при Цусиме - в 1904 году, когда три наших крейсера приняли неравный бой с целой эскадрой японских броненосных крейсеров. "Рюрик" погиб героически, открыв кингстоны, а два крейсера вернулись во Владивосток.

Наконец, роман о Распутине - только в минувшем году выпущенный в одном из издательств и публиковавшийся в журнале "Советский воин" под своим истинным названием "Нечистая сила" и без сокращений. На историческом материале я стремился показать то, что творилось в верхах тогда - взяточничество, разгул низменных страстей, протекционизм и т.д. Аналогии и ас-

